
ГЛАВА I

— Хорошенького понемногу, — сказала я себе, поняв, что, если сделаю еще хотя бы глоток кофе, он польется у меня из ушей.

Я сбилась со счета, пытаюсь определить количество чашек, выпитых за сегодняшнее утро. Никак не меньше десяти, а это, согласитесь, лошадиная доза даже для частного детектива. А если добавить сюда изрядное количество выкуренных за это же время сигарет, то становится ясно, что мне совершенно необходимо немедленно взять «музыкальную паузу».

Однако у меня сегодня действительно был повод для подобных бесчеловечных экспериментов над собственным организмом. Если бы еще неделю назад мне кто-нибудь сказал, что я буду страдать от вынужденного безделья и профессиональной

невостребованности, я расхохоталась бы ему прямо в лицо. Причем хохотала бы я недолго, поскольку у сыщика Татьяны Ивановой вот уже несколько лет нет ни одной лишней секунды даже для таких невинных занятий.

Долгие годы я проклинала свой «чумовой» образ жизни и мечтала хотя бы об одном «дне без выстрела». Так может мечтать абсолютно загнанная, изможденная непосильным трудом кляча... Допуская в своем воображении подобные сравнения, я тут же их корректировала: «Нет, пока еще не кляча, а скорее молодая и норовистая лошадка». О чем же она может мечтать?

— О молодом красавце жеребце, — шепнул мне на ухо бесстыдный внутренний голос.

— Какая гадость! Какая гадость эта ваша заливная рыба... — ответила я распоясавшемуся внутреннему голосу. — Мне и думать-то о них противно!

— С каких это пор? — удивился внутренний голос.

— С детства! — отрезала я тоном, не допускающим возражений. И при этом ничуть не покраснела.

И, чтобы прекратить этот бессмысленный внутренний диалог, я, покинув свое уютное гнездышко, поставила любимую пластинку Пола Маккартни и приступила к водным процедурам.

Почистив свои перышки, я занялась с энтузиазмом уборкой квартиры, надеясь, что столь бурная деятельность поможет зарубцеваться душевным ранам. И, нужно сказать, я почти добилась своей цели. Но в этот самый момент начала вытирать пыль с телефона и поймала себя на мысли, что занимаюсь этим делом в третий-четвертый раз в своей жизни. И не потому, что мирно сосуществую с пылью и плесенью. Вовсе нет. Я девушка аккуратная. Просто мой телефонный аппарат не успеваешь запылиться. Его звонкие трели радуют или огорчают

меня с утра до вечера. И автоответчику моему служба медом не кажется.

Так было всегда, но только не сегодня. Передо мной стоял вовсе как бы и не мой телефон, а какой-нибудь забытой богом и родней старушки или замерзающего в красной палатке полярника, давно потерявшего связь с Большой землей. Хотя присутствие пыли за Полярным кругом вызывает у меня некоторые сомнения. Впрочем, так же, как и наличие там самого телефона с автоответчиком.

Дабы убедиться в существовании связи с Большой землей, я подняла трубку и добрые полминуты прислушивались к таинственным потрескиваниям, нарушающим заунывную монотонность гудка...

Почему же столько времени молчит мой телефон? Такого просто не может быть! Что-то произошло в этом городе. А может, и в этой благословенной державе? Новый ГКЧП на этот раз догадался отключить телефонную связь? Чтобы не зацикливаться

на подобной версии, я включила телевизор. По экрану с риском для жизни метались Том и Джерри, своими воплями заглушая нежный фальцет Маккартни. Ничего общего с «Лебединым озером».

В детстве мне очень нравился диафильм «Палле один на свете». Этот самый Палле, проснувшись в одно прекрасное утро, понял, что на всей планете остался один живой человек. Он очень обрадовался и побежал осуществлять все свои заветные желания. Насколько я помню, он ужасно хотел мороженого и с восторгом играл в вагоновожатого. Эта перспектива меня несколько не прельщала. К тому же с телевидением неувязка, телевизор-то работает! Поэтому окружающая обстановка напоминает Рея Брэдбери «Будет ласковый дождь». В результате ядерной катастрофы все население планеты погибло, не успев выключить пылесосы, скороварки и прочую электронику...

А может, все гораздо проще? Семьдесят

лет советской власти не прошли даром, и, как нас уверяли преподаватели марксизма-ленинизма, впрямь был воспитан новый невиданный дотоле Строитель Коммунизма. И как только он этот самый коммунизм строить перестал, так и проявились его превосходные качества. И исчезли в нашей стране преступность, проституция, воровство, бездорожье и разгильдяйство, а уж заодно и ревность, наркомания и даже до боли близкое любому россиянину пьянство со всеми вытекающими из него безобразиями.

Размышляя подобным образом, я в процессе доведения жилплощади до стерильного состояния добралась до своего маленького, но очень симпатичного бара, и взгляд мой остановился на непечатой бутылке настоящего «Наири». Недавно мне его привез Гарик Папазян из ближнего зарубежья...

— Что же это происходит? — остановил меня внутренний голос, на сей раз в образе

взрослой, умной и волевой Татьяны Ивановой. — Сначала сомнительные мысли на лошадиную тему, теперь вот коньяк! Черт знает что!

— И на самом деле, что это я? — ответила внутреннему голосу маленькая, ленивая, пойманная на месте преступления Танечка и, потупившись, добавила: — Я больше не буду...

Закрыв бар на ключ, я прошла по комнатам и, убедившись, что самый привередливый санинспектор остался бы мною доволен, достала волшебные косточки и приготовилась к священнодействию. Как это ни странно, я впервые за несколько дней вспомнила о них.

5+18+27 — «Вам кажется, что жизнь монотонна, лишена остроты, разнообразия и приключений. Зато она обещает вам спокойствие в будущем, когда страсти улягутся и ценности переосмыслятся».

Я давно перестала удивляться пронизательности косточек, поэтому первая часть

пророчества нисколько не удивила меня. Действительно, в течение нескольких дней я ни от кого не пряталась, ни с кем не сражалась, не попадала в отчаянные положения. И нормальная человеческая жизнь представлялась мне пресной и монотонной. Не случайно я выбрала себе такую эксцентричную в глазах большинства или даже неприличную для женщины профессию. И не только не хочу другой жизни, но и не представляю себя в другой роли.

Но вот вторая часть пророчества не так буквальна и однозначна. Тут придется пошуметь, пошевелить извилинами.

«Зато она обещает вам спокойствие в будущем, когда страсти улягутся и ценности переосмыслятся». Немного поразмыслив, я истолковала эти слова так: впереди меня ждут «страсти» — события из разряда немонотонных, переоценка неких ценностей, а может быть, переосмысление каких-то устоявшихся представлений о жизни, о самой себе... Поживем — увидим. Одно бы-

ло ясно — спокойствия мне не видать. А то, что судьба в преддверии «страстей» подарила мне несколько дней отдыха — это замечательно. И прожить их нужно так, чтобы не было мучительно стыдно!

Такая перспектива меня вполне устраивала. Пластинка к этому времени закончилась. Я поставила ее на место, поправила прическу и произнесла зловещим шепотом:

— Приветствую тебя, страсть...

Пронзительный и будто охрипший после долгого молчания телефонный звонок вернул меня в мир реальности.

— Привет, Танюха, — негромко произнесли на том конце провода. И время остановилось. Но только на миг. Затем стремительно помчалось вспять и отбросило меня в далекую юность, почти детство, к событиям десятилетней давности.

— Привет, Танюха, — произносил этот же голос в те далекие дни, и ноги становились ватными, и комок, на секунду за-

стрявший в горле, срывался и катился куда-то вниз, а сердце замирало.

Он был живой легендой нашего института. Герман. Так называли его все, от застенчивых первокурсниц до бородатых аспирантов... «Герман», — шептали вечерами девочки в общежитии. «Герман», — произносили самые отчаянные головорезы и крепко пожимали его твердую ладонь. У него так и не появилось клички, хотя называть друг друга по имени было тогда не принято. Я до сих пор не знаю его фамилии и не знала ее никогда. Она просто была не нужна. Было имя — Герман. Сказать, что его уважали, значит, ничего не сказать. Не просто уважали, не просто побаивались. И даже не просто восхищались. Его буквально боготворили. И это было поразительно.

Герман завораживал всех своей непохожестью, нетипичностью. Оригинальность? Пожалуй, и это определение не подходило к этому человеку.

Он никогда не появлялся на многочис-

ленных студенческих пьянках, не курил, не заигрывал с симпатичными абитуриентками, не посещал дискотек. При его появлении даже не очень фривольный анекдот казался пошлостью. У него не было близких друзей. Впрочем, не было и врагов. Хотя, возможно, были тайные недоброжелатели, но они предпочитали оставаться тайными.

Учился он блестяще, и учеба давалась ему легко. Он был немногословен, хотя его нельзя было назвать замкнутым. Его фразы передавались из уст в уста и часто становились последним аргументом в споре. «А Герман сказал...» — и разногласия прекращались.

Однажды на стадионе возник спор о приемах самбо. Каждый отстаивал свой любимый прием и доказывал его преимущества.

— Самый действенный способ самозащиты без оружия — это вовремя убежать, — как-то сказал Герман. И никто не засмеялся. Такое мог сказать только тот, чья сме-

лость не вызывала сомнений. А Герман был смелым. И сильным.

Одним из первых он начал заниматься восточными единоборствами. Уже потом это стало повальным увлечением, и на ближайшей к институту стройке поубавилось целых кирпичей. Так развлекались наши мальчики.

Я не помню, чтобы Герман решал свои проблемы с помощью силы. А может быть, не находилось желающих испытать эту силу на себе?

Герман говорил, что любой предмет в умелых руках может стать оружием. И если какая-то вещь кажется тебе совершенно безобидной — значит, ты просто не знаешь, как ее можно использовать. И ему верили.

У большинства из нас еще отовсюду выпирало детство, а он в свои двадцать лет был мужчиной в самом серьезном и прекрасном смысле этого слова.

Однажды после лекций Герман подошел ко мне и предложил погулять. Я не по-

верила своему счастью. Глаза моментально наполнились слезами, и несколько минут я не могла повернуть к нему голову. Все вокруг окрасилось в радужные тона, однако я успела заметить десятки взглядов, направленных в нашу сторону...

Я не помню, по каким улицам мы гуляли и на каких скамейках сидели в тот вечер. Не помню, о чем он рассказывал мне. До меня просто не доходил смысл его слов, потому что в моей голове звучала древняя, как мир, женская песня, состоящая из одной повторяющейся фразы: «Ты выбрал меня!»

Мое счастье продолжалось полгода.

Оно закончилось ранним апрельским утром после короткого телефонного разговора. Даже не разговора, потому что я так ничего и не ответила ему.

— Танюха, я уезжаю. Навсегда. Прощай, — произнес бесконечно родной голос. С тех пор я этого голоса не слышала. И не видела его обладателя. Если не считать одного случая.

Три года назад я увидела Германа по телевизору. В какой-то информационной программе. Ведущий рассказывал о поездке нашей делегации на высшем уровне то ли в Америку, то ли в Швейцарию. На экране сустились корреспонденты с микрофонами и фотоаппаратами. Президент, прищурившись, делился впечатлениями от своей встречи с представителями НАТО и Белого дома. В нескольких шагах от него стоял Герман. Какие-то секунды я наблюдала, как он спокойно и сосредоточенно разглядывал что-то или кого-то за пределами телеэкрана...

— Привет, Танюха, — произнес тот же голос десять лет спустя, и я поняла, что узнала бы его из тысячи...

— Герман? Ты где?

— Я рядом. Можно зайти?

— Конечно.

Щелкнула входная дверь, и кто-то вошел в мою квартиру. Это был Герман.

Он всегда умел появляться неожиданно

и так же неожиданно исчезать. И хотя я понимаю, что для людей нашей профессии не существует запертых дверей и сотовый телефон для меня не в новинку, мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Он не оставил мне времени подготовиться к его появлению. Застал меня врасплох и использовал свое преимущество для изучения моей внешности и отыскания следов, оставленных на моем лице неутомимым временем.

Еще больше я растерялась, отметив в его глазах взгляд, какой бывает у людей, чей замысел получает блестящее воплощение.

— Ты мало изменился, — наконец сумела я произнести членораздельно.

Действительно, Герман почти не изменился и внешне. Может быть, немного поправился, что при его почти двухметровом росте было совсем не лишним. Десять лет назад его можно было сравнить с молоденьким догом, в котором только опытный

кинолог может распознать красивое гармоничное существо, каким ему предстоит стать через некоторое время. Сейчас Герман находился в поре расцвета. Дорогой элегантный костюм выгодно подчеркивал достоинства его фигуры, а небольшой шрам на левой скуле только добавлял ему шарма.

— Милости просим, — сказала я, окончательно придя в себя, и широким жестом пригласила его в гостиную.

Несколько минут мы обменивались несвязными ироничными фразами в поисках той единственно верной интонации, соответствующей моменту и нашим нынешним отношениям. Это было довольно непросто, во всяком случае, для меня.

— Откуда ты свалился на мою голову? — устав от светского обмена любезностями, спросила я напрямик.

— Это далеко не такой простой вопрос, — ответил Герман совершенно серьезно. — Моя жизнь не предполагает публичности, и написать мемуары я смогу еще

очень нескоро. Одно могу сказать совершенно точно: в Тарасове за все эти годы я не был ни разу.

— Герман, давай сразу договоримся — я не считаю себя несчастной брошенной девочкой. И я не поверю, что ты приехал поглядеть со мной.

— Для девушки у тебя есть один, но существенный недостаток, — отпарировал Герман мгновенно. — Ты чересчур умна.

Мы одновременно рассмеялись, и напряженность между нами исчезла. Он поведал мне, что много лет не имел отпуска, и вот теперь в кои-то веки выдалась свободная неделя. Он с товарищами решил провести ее на одном из волжских островов, где, по слухам, рыба клюет на пустой крючок. Мое предложение «спрыснуть» нашу встречу он отклонил, напомнив, что никогда не употреблял спиртных напитков, не курил и нарушать своих принципов не хочет даже ради такого исключительного случая. На мое произнесенное игривым тоном,

но имевшее совершенно определенную цель замечание о том, что он, наверное, ну просто идеальный муж, Герман ответил не менее озорным тоном. Он заявил, что до сих пор не связал себя супружескими путами, а если бы ему в голову пришла такая шальная идея, то он, не сомневаясь, приехал бы в Тарасов с букетом цветов и бутылкой шампанского и в добрых гусарских традициях предложил бы руку и сердце самой умной и красивой женщине на этой планете, которую, разумеется, зовут Татьяной Ивановой.

Мы окончательно развеселились, разговор сам собой перешел на меня, на мою работу, я рассказала несколько случаев из своей детективной практики, вызвав неподдельное восхищение Германа.

— Это потрясающе! Я всегда был о тебе высокого мнения, но ты превзошла все мои представления! А чем ты занимаешься сейчас?

— А именно сейчас я ничем не занима-

юсь, — честно призналась я. — Бью баклуши с твоей помощью.

— Так ты свободна?

— Как муха в полете!

— Кроме шуток. У меня есть к тебе серьезное предложение. Ты не знала Славу Угольникову?

— Он с нами учился?

— Нет. Он значительно старше нас. Вячеслав Сергеевич Угольников. Капитан милиции. Его убили лет шесть назад. Хороший был мужик.

— А! По-моему, вспоминаю...

— Но не об этом речь. У него остались жена и дочь Марина. Красивая девушка, умница, училась на театральном факультете... почему-то ушла со второго курса... Потом то ли пела, то ли танцевала в каком-то кабаке... Мама, по-моему, сильно зашибает... Короче, девушка пропала. Ушла из дома месяц назад, и с тех пор ее никто не видел.

— Ты думаешь, ее тоже убили? Это как-то связано с ее отцом?

— Не знаю, Танюха. Может быть, и так. А может, живет сейчас наша Марина с каким-нибудь парнем и в ус себе не дует. В том-то и дело, что никто ничего не знает.

Герман поднялся, отошел к окну и стал глядеть на улицу. Оттуда доносились веселые голоса, смех, в кафе напротив играла музыка.

— Если бы Слава был жив, — не оборачиваясь, продолжил Герман, — все было бы в порядке, он занялся бы этим делом. Он очень любил свою Марину. А меня считал своим другом.

— Ты хочешь, чтобы я ее искала? Герман, девочка, конечно, не иголка, но ведь и Тарасов — не стог сена. А если она укатила, например, в Питер или, не дай бог, в какой-нибудь Урюпинск?

— Иванова, я понимаю, что это работа. И, может быть, не самая простая. Но ведь это дочь моего покойного друга. И если не я и не ты, то кто?.. Найди девочку, Таня.

Достав из внутреннего кармана пиджака

две аккуратные пачки долларов, Герман положил их передо мной:

— Здесь тысяча баксов. Это аванс. Плюс возмещение всех необходимых расходов. По рукам?

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

— Ноу проблемс, — сказала я голосом Бельмондо, озвученным Александром Демьяненко. Во всяком случае, я к этому стремилась. — А теперь по чашечке кофе?

— В следующий раз, — отказался Герман, вырывая из блокнота листок с несколькими строчками, написанными его красивым разборчивым почерком. — Это адрес Угольниковых. Сегодня вторник... В конце недели я обязательно появлюсь. А пока... я должен откланяться.

Герман улыбнулся и направился к выходу. Я проводила его до порога. Уже взявшись за дверную ручку, он обернулся, посмотрел мне в глаза и, как мне показалось,

на что-то не решился. Сказать ли что-то хотел или сделать...

— Что-нибудь забыл? — улыбнулась я.

Он выглядел смущенным и немного растерянным.

— Может быть, тебе это покажется странным или даже глупым... Но мне хотелось бы сделать тебе маленький подарок. — Он быстрым движением достал из кармана маленькую коробочку и протянул ее мне.

В коробочке находились очаровательные золотые сережки явно старинной работы с зеленоватыми, мерцавшими в полумраке коридора камешками.

— Ты не возражаешь, если я сам надену их тебе? — не дав мне опомниться, попросил Герман.

— Попробуй...

Через несколько секунд сережки сверкали уже у меня в ушах. Я повернулась к зеркалу и убедилась, что обновка явно к лицу.

— Очень подходят к цвету моих глаз, — пошутила я, глядя прямо в глаза отраже-

нию Германа, наблюдавшего за моей реакцией.

— Я знаю, — удовлетворенно прошептал он. — Не снимай их, пожалуйста, хотя бы до моего отъезда. Хорошо?

— Обещаю, — ответила я и нежно чмокнула его в губы. — Спасибо.

Герман еще раз пожелал мне успеха, через несколько секунд его шаги затихли за дверью моей квартиры.

* * *

Я не собиралась в тот же день приступать к делу. Если утром я жаловалась на судьбу и не находила себе места от безделья, то теперь, когда работа появилась, у меня тут же обнаружили другие желания. Мне захотелось поваляться перед телевизором, полистать какую-нибудь толстую книжку, зачитанную до дыр, пригласить в гости болтливую подружку и посплетничать от души весь вечер напролет.

Но запах дорогого одеколona Германа

еще не выветрился из моей квартиры. Я уже несколько раз прокрутила в голове и прокомментировала весь наш сегодняшний разговор. Память услужливо извлекла из тайников моей души отчетливые картинки десятилетней давности. Поблескивание зеленых камешков в новых сережках возбуждало мою фантазию, и, чтобы избавиться от этого наваждения, я, легко перекусив, отправилась навстречу новым людям и приключениям.

Тем более что за окном ярко светило солнце, лето окончательно вступило в свои права, а небольшой дождик, прошедший после обеда, лишь освежил уличный воздух и умыл тротуары.

Скромное, но довольно дорогое светло-зеленое платье чудесно сочеталось с новыми сережками. Квартира Угольниковых находилась недалеко от моего дома, и я отправилась туда пешком.

По пути я не теряла времени даром и отыскивала в толпе сверстниц Марины Уголь-

никовой. Вглядываясь в молодые, но изрядно накрашенные мордашки, я пыталась определить навскидку сферу интересов и устремлений «племени молодого и незнакомого».

Рассчитав, что Марине сейчас должно быть не меньше девятнадцати лет, я без труда определила год рождения интересующего меня контингента. Это был 1980 год, год Московской Олимпиады. Мне даже удалось составить коллективный портрет этого поколения. Судьбоносный для нашей страны 1991 год пришелся на пору их розового детства, лишённого радостей пионерских линеек и сборов. Комсомол благополучно скончался прежде, чем они доросли до комсомольского возраста. Следовательно, их воспитание было лишено каких бы то ни было общественно-политических ориентиров. Отсюда я сделала вывод, что между этим поколением и мной пролегла бездонная пропасть.

Всех девочек я условно поделила на три